Быль-небыль

Тридцати километровая зона отчуждения, образовавшаяся после катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции, останется "пятном" — в каком-то смысле белым, в каком-то черным — для многих поколений жителей Украины, Беларуси и России.

С момента аварии на ЧАЭС прошло почти 24 года. Каждый школьник знает об истории четвертого реактора и о последствиях его взрыва. В последние годы появляется все больше желающих хотя бы одним глазком увидеть — что там? Оно и понятно: волна радиофобии спала, верх берет любопытство.

Спустя почти четверть века территория организованного в тридцатикилометровой зоне Полесского радиационно-экологического заповедника напоминает своеобразные джунгли. Всякая хозяйственная деятельность здесь строго ограничена, противодействие законам дикой природы минимальное. Одичали и начали "растворяться" в обезлюдевшем пространстве брошенные дома и прочие свидетельства цивилизации.

Во время журналистского тренинга "Жизнь на территориях, пострадавших при аварии на Чернобыльской АЭС: взгляд в будущее", организованного в Украине при содействии ПРООН в Беларуси, а также международных организаций МАГАТЭ, ЮНИСЕФ и ВОЗ, корреспонденту "НР довелось побывать в украинской "зоне відчуження" — в эпицентре страшных событий двадцатичетырехлетней давности.

По следам катастрофы

Зона оказала холодный прием. Если на подступах к ней бортовой термометр автобуса показывал 12 градусов мороза, то непосредственно у КПП — уже минус 14. Специалисты уверяли, что это связано с некой природной аномалией территории: влажность здесь намного выше, чем вокруг.

Несмотря на мороз, работники КПП попросили пассажиров покинуть автобус. Посетителей тридцати километровой зоны заносят в список: вернуться должно столько же "туристов", сколько было пропущено на запретную территорию.

Наш автобус направляется вглубь зоны. Следы Чернобыля — по обе стороны от дороги: заброшенные дома, заросшие огороды и фруктовые сады, покосившиеся заборы. Все это не пугает, а навевает какое-то щемящее уныние. Эксперты, сопровождающие нас, говорят, что это чувство безнадежности не способны вытравить ни частые посещения зоны, ни время.

Продвигаемся все дальше в глубь зоны, до эпицентра трагедии — 20, 15, 10 километров... Все реже попадаются полуразрушенные деревушки и отдельные дома. Но настроение от этого не улучшается. Вокруг — кочки, холмики и холмы. На вершине каждого — тоненький армированный прут с металлической пластиной желтого цвета со знакомым с детства угрожающим "трехлистным глазом" знака радиации. Под каждым таким знаком — захоронение стройматериалов, дома, целого поселка, поясняют специалисты.

Желтых знаков много, они мелькают то справа, то слева, выглядывая из бурьяна, сугробов, семафоря с холмов. До цели — считанные километры. Уже отчетливо видны здания атомной электростанции. Справа вонзилась в небо грандиозная труба градирни. Слева — лес опор линий электропередачи, переплетение проводов и хаос колючей проволоки. Чуть дальше — строящееся хранилище для отработанного ядерного топлива – Впереди — недостроенные пятый и шестой энергоблоки ЧАЭС: полуразрушенные сооружения, окруженные ржавыми покосившимися башенными кранами. Перед нами — тот самый роковой четвертый реактор. Температура воздуха — около 20 градусов мороза...

"Смирительная рубашка"

Слоено прижатый к земле собственной тяжестью саркофаг стал "надмогильным склепом" разрушенного реактора. Он выглядит как нагромождение серых металлических плит. Над ними возвышается лишь вентиляционная труба.

В апреле 1986-го "взбесившийся" реактор перекосил судьбы огромного числа

людей, повлек за собой невероятные убытки. Сегодня этот «потухший вулкан» все еще наводит ужас. В плитах саркофага щели, вокруг подпорки, опоры, крепеж. Укрытие сооружалось в короткие сроки и изначально планировалось как временное. В конце 1990-х специалисты вынесли вердикт: не исключена возможность обрушения саркофага и выброса радиоактивной пыли в окружающую среду. К слову, укрытие было рассчитано на 20—30 лет службы.

Инженерные работы, выполненные в середине прошлого десятилетий, существенно улучшили герметичность и стабильность конструкций саркофага, подготовили плацдарм для сооружения так называемого нового безопасного конфаймента — арочного ангара, который полностью укроет существующий саркофаг. Строительство должно быть завершено через несколько лет. А пока из года в год укрепления обрастают дополнительными элементами опор, дающими лишь временный эффект...

Из окон обзорного павильона серая громада саркофага видна во всей своей "красе". Но фотографировать с обзорной площадки его нельзя: очень уж хорошо просматривается многоуровневая система охраны объекта — заборы, колючая проволока, сетка под напряжением. Ни один человек не имеет права знать о нюансах защиты законсервированного, похороненного под десятками тонн песка, свинца, извести и укрытого саркофагом реактора-злодея.

Разрушенный реактор пока безопасен. Однако, глядя на дефекты защиты и зная, что там, где-то внутри, до сих пор сохраняется около 95 процентов ядерного топлива, в это верится с трудом. Слишком уж мрачен он, слишком большим слоем слухов и легенд оброс за то время, пока информация о катастрофе была засекречена...

Лес как памятник

Облучение и радиоактивное загрязнение после аварии на ЧАЭС привели к масштабной гибели флоры и фауны в радиусе 10 километров от эпицентра взрыва. Старый сосновый лес поблизости от реактора не стал исключением. Его хвоя вскоре порыжела, опала, начала отмирать кора. Деревья мучительно и быстро умирали. Через некоторое время лес этот, названный Рыжим, был захоронен. Еще через несколько лет на его месте появилась молодая поросль. Но отдельные мертвые деревья стоят до сих пор. Они заставляют задуматься о ликвидаторах. Ведь — страшное совпадение — порог гибели от радиоактивного облучения у сосен тот же, что и у людей...

Кстати, общая численность ликвидаторов, которым были выданы удостоверения до конца 1991 года, не превышала 350 тысяч человек. Общее число ликвидаторов, зарегистрированных к настоящему времени в национальных реестрах Беларуси, России и Украины, — более 500 тысяч человек...

Город-призрак

Следующая остановка — Припять. Этот город был основан в 1970 году как поселение энергетиков, работников ЧАЭС. В апреле 1986 года в городе проживали 49 360 человек, их средний возраст составлял всего 26 лет.

Припять называли городом будущего. Сейчас он поражает тишиной. Около полуразрушенного магазина — несколько торговых тележек, в холле бывшего Дома культуры свалены огромные портреты вождей. Еще вполне узнаваема гостиница "Полесье". Детские площадки во дворах заросли кустами, качели проржавели насквозь. К стене дома прислонены лыжи. Вдалеке хорошо видны желтенькие люльки - сиденья колеса обозрения, которое именно здесь так и хочется назвать чертовым. Глухой торец девятиэтажного дома украшен метровыми буквами лозунга: "Партия Ленина, сила народная, нас к торжеству коммунизма ведет..."

Ощущение одно на всех: город застыл во времени. Никогда уже ему не догнать настоящее, не устремиться в будущее. Его время закончилось через 40 часов после аварии — именно в течение этого времени оттуда были эвакуированы все жители.

Все попытки дезактивации города провалились. Так он и будет стоять со своими домами, магазинами и клубами, все дальше уходя в прошлое, пока не разрушится. Впрочем, ждать этого недолго. В окнах нет половины стекол, штукатурка зданий осыпается. Деревья и трава

"вгрызаются" в город, прорастая с этажа на этаж прямо через плиты перекрытий...

Очистка снаружи и изнутри

Притихшие пассажиры возвращаются в автобус. Не разговаривают. Все ясно без слов. Так и доехали до КПП.

Опять проверка. Автобус остановлен перед шлагбаумом, изучается дозиметрами отдельно, нам же предстоит еще один неприятный момент — прохождение радиологического контроля.

Руки, колени, грудь прижаты к специальным панелям. Глаза же устремлены на три лампочки-светофор — желтую, зеленую, красную. Желтый огонек, кажется, горит целую вечность, пока беспристрастный страж-дозиметр изучает уровень загрязнения одежды человека. Беззвучно включается зеленый свет — чисто! И тут же с неприятным щелчком открывается турникет, выпуская из зоны очередного счастливчика.

— Что будет, если турникет покажет красный, "грязный", свет?

— Человек не будет выпущен из зоны до тех пор, пока не пройдет дезактивацию, — напоминает проверяющий.

Кажется, не только о радиоактивной очистке говорит опытный работник зоны. Каждый, кто побывал в этом страшном месте, хоть немного очистился духовно.

С.Муравский

Источник: Народная газета.-2010.-3 сак.-С.13